

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

История этой книги не совсем обычна. Она началась еще в 1959 году с письма, которое 39-летний филолог и журналист Юрий Федосюк написал в редакцию журнала «Вопросы литературы». «Сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих общественные отношения и бытовые особенности дореволюционной России, становятся для все более широкого круга современных читателей «камнем преткновения» — либо непонятными вовсе, либо понимаемыми превратно <...> — говорилось в этом письме. — Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку». Кто из героев выше по положению, когда одного титулуют «ваше благородие», второго — «ваше сиятельство», а третьего — «ваше превосходительство»? Отдельные события того ли иного романа происходят в «Успеньев день» или «на Фоминой неделе», но если тут не дается описания природы, мне непонятно ни время года, ни хронология событий». Завершая письмо, Ю. Федосюк призывал ученых — филологов и историков начать работу над специальным справочником по истории русского быта, который помогал бы широкому кругу читателей, и прежде всего учителям литературы, студентам и школьникам, «глубже постигать произведения классиков, оживив многие строки, потускневшие из-за того, что содержащиеся в них понятия сданы в архив нашей эпохой».

Письмо было сочувственно встречено специалистами: журнал «Вопросы литературы» опубликовал его в № 6 за 1959 год под заглавием «Такое пособие необходимо», однако содержащийся в нем призыв к ученым, похоже, не был ими услышан. Шли годы, а крайне необходимое, по мнению Ю. Федосюка, всем читателям русской классической литературы пособие все не появлялось на свет. И тогда, спустя четверть с лишним века после своей публикации в «Вопросах литературы», Юрий Александрович Федосюк, к тому времени уже хорошо известный среди филологов и историков своими книгами по этимологии русских фамилий (Что означает ваша фамилия? — М., 1969; Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. — М., 1972; переиздано в 1981 и 1996 гг.) и по истории Москвы (Бульварное кольцо. — М., 1972; Лучи от Кремля. — М., 1978; Москва в кольце Садовых. — М., 1982; переиздано в 1991 г. и др.), решает реализовать свою давнюю идею сам.

В 1989 году работа над новой книгой была завершена, но судьба ее, к сожалению, неожиданно оказалась очень нелегкой. Рукопись была передана одному авторитетному государственному издательству, которое вначале по причине финансовых трудностей, а затем, увы, из-за недобросовестности и некомпетентности сотрудника, ответственного за выпуск книги, так и не смогло издать ее. Между тем договор, заключенный с издательством, а также многочисленные уверения в том, что книга вот-вот будет выпущена, долгое время не давали возможности вначале самому автору (он умер в 1993 году, так и не дождавшись выхода книги), а затем и его наследникам попытаться издать ее в другом месте.

За минувшие со времени написания книги годы интерес к отечественной истории и культуре в России заметно вырос, а идеологические барьеры, которые некогда не давали авторам и издательствам возможности удовлетворять этот интерес читателей, исчезли. Были изданы такие книги, как «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана (СПб, 1994), «Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половине 20 вв.» Р.М. Кирсановой (М., 1995), «Словарь редких и забытых слов» В.П. Сомова (М., 1996), словарь-справочник «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» под редакцией Р.П. Рогожниковой (М., 1997) и др. Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, не совпадает по форме и содержанию ни с одной из них. Перед вами одновременно и увлекательный рассказ о том, как жили в старину наши предки, который автор снабдил многочисленными примерами из хорошо известных произведений русской классической литературы, и крайне необходимый исторический комментарий к этим произведениям, благодаря которому читатель сможет гораздо глубже понять их содержание.

Завершая это небольшое вступительное слово, мне хотелось бы выразить свою благодарность Марине Ивановне Лабзиной и Татьяне Михайловне Тумуровой за их труд по редактированию книги во время первой, к сожалению, не увенчавшейся успехом попытки ее издания. Я глубоко признателен издательству «Флинта», которое, получив от меня рукопись, любезно согласилось оперативно выпустить в свет книгу моего отца, так долго ждавшую своего читателя. Кроме того, считаю своим приятным долгом искренне поблагодарить Сергея Ивановича Кормилова, Эрика Иосифовича Хан-Пиру, Игоря Георгиевича Добродомова, Льва Иосифовича Соболева и Геннадия Юрьевича Скворцова: внимательно ознакомившись с первыми изданиями этой книги, они высказали свои замечания, которые дали возможность внести в текст целый ряд уточнений и исправлений.

М.Ю. Федосюк

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Погружаясь в богатый и многообразный мир русской классической литературы, молодой человек, часто незаметно для себя, сталкивается с трудностями. Ее страницы, как на машине времени, переносят нас в давние времена, когда и общественное устройство, и быт, и сами люди заметно отличались от нынешних. Поэтому произведения классиков воспринимаются нами не столь легко и просто, как современниками автора — теми читателями, для которых были написаны. Сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода или изменившие свой смысл.

Русская литература и отечественная история — родные сестры. В нашем сознании они идут рука об руку. Не сможет читатель понять до конца «Мертвые души» Н.В. Гоголя или «Анну Каренину» Льва Толстого, не имея представления о времени их действия, ничего не зная о крепостном праве или о пореформенной эпохе. Поэтому без знания отечественной истории трудно понять русскую литературу, знание же литературы облегчает понимание истории, оживляя ее образами, диалогами и красками.

Постижение произведения невозможно без того, чтобы слова не превратились в нашем сознании в зрительный образ или отвлеченное понятие. Вот спешит Евгений Онегин к умирающему дяде, «летя в пыли на почтовых». А что означает строка: «...Стремглав по почте поскакал...»? (Можно ли в наши дни «скакать по почте»?) Что за управитель сообщил герою о том, что «дядя при смерти в постеле»? Что представляет собой усадьба дяди, штофные обои в его гостиной? Наконец — и это особенно важно, — что значат слова «...Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...»? Короче: что ни строфа — то загадки, большие и малые, а между тем весьма существенные для уяснения смысла повествования, времени действия, психологии героев.

Из этих частных и складывается та неповторимая картина, которая позволяет нам наслаждаться художественным произведением, отчетливо видеть и понимать действие.

Да, люди всегда были людьми, они дружили и враждовали, трудились и развлекались, уступали или боролись, защищая свои жизненные идеалы — без этих общих с нами черт незачем было бы читать и перечитывать произведения о далеком прошлом. Но вот исторические условия, вся обстановка их жизни в очень многом отличались от современных.

Теперь читателю ясно, для чего написана эта книга. Для того, чтобы облегчить восприятие русской классической литературы, убрав слегка застлавшую ее дымку времени, затрудняющую понимание. Для кого эта книга написана? Для вступающего в жизнь молодого человека, растущий интерес которого к родной литературе, как и к отечественной истории, естествен и закономерен, особенно в наше время.

Книга разделена на тематические главы, которые позволят получить сведения о тех или иных фактах прошлого не отрывочно, а в их исторической совокупности, взаимосвязанно. Тем самым она может служить не только учебным пособием по литературе, но и простейшим справочником по истории общественных отношений и быта России от конца XVIII века до начала века XX. При этом она почти полностью опирается на материал русской классической литературы.

Книгу не обязательно читать подряд, от первой до последней строчки. Достаточно ознакомиться с интересующими вас главами или абзацами из этих глав. В конце помещен алфавитный указатель толкуемых в книге слов. Встретив в тексте того или иного произведения непонятное слово, читатель легко найдет страницу, где оно разъясняется, причем разъясняется тоже на примере художественного текста.

Эта книга — один из первых опытов справочного пособия подобного рода. Поэтому едва ли она застрахована от неполноты или некоторых неясностей. Но хочется верить, что читателю будет интересно войти в увлекательный мир быта прошлых веков.

Глава первая
НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Церковный календарь

Время свыше суток и в пределах года мы отмеряем по месяцам и дням. У наших вовсе не дальних предков было другое счисление — по церковным праздникам и постам. Простой, неграмотный крестьянин, да и горожанин, плохо разбирались в числах и месяцах, для них события происходили «на Сретенье», «на Егория», «в Петровки», «на Казанскую» и т.п., то есть по памятным дням церковного календаря, который тесно переплетался с древними, дохристианскими поверьями и приметам, отчего мы вправе называть его и народным.

Народное наименование тех или иных дат нашло широкое отражение в классической художественной литературе, ставя современного читателя в сложное положение: мы плохо представляем себе, в какое время происходит названное событие. Вот показательный отрывок из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: простая крестьянка Матрена Тимофеевна рассказывает семи мужикам-странникам о своей многотрудной жизни, изредка озаренной и светлыми воспоминаниями о детстве, замужестве, материнстве. Муж ее работает в Питере печником.

*Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день.*

Зиму супруги провели в деревне, а затем

*Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.*

Кроме указаний на зиму, упомянутые праздники нам ничего не говорят. Слушателям-мужичкам, как и читателям — современникам Некрасова, все было предельно ясно. Поясним: день святой **Екатерины** отмечался 24 ноября старого стиля (7 декабря нового), **Благовещение** — 25 марта (7 апреля), осенний праздник иконы **Казанской Богоматери** — 22 октября (4 ноября).

Не было дня в году, не отмеченного поминовением какого-либо одного, а чаще нескольких святых или иным событием христианской мифологии. Поэтому народ прекрасно обходился без привычных для нас дат: числа и месяца.

Провинциальное дворянство тоже плохо разбиралось в официальном календаре. Вот что пишет об окружении своего героя И.А. Гончаров в романе «Обломов»: «Они вели счет времени по праздникам, по временам года, по разным семейным и домашним случаям, не ссылаясь никогда ни на месяцы, ни на числа. Может быть, это происходило частью из-за того, что, кроме самого Обломова (имеется в виду отец маленького Ильи. — Ю.Ф.), прочие все путали и названия месяцев, и порядок чисел».

Старый и новый стиль

Вы уже заметили: современные даты упомянутых некрасовской Матреной Тимофеевной праздников приведены по старому и новому стилю, то есть календарю. В чем их различие?

В юлианском календаре, введенном римским императором Юлием Цезарем в 45 году нашей эры, год (то есть время полного оборота Земли вокруг Солнца) был подсчитан не вполне точно, с превышением на 11 минут 14 секунд. За полторы тысячи лет, несмотря на поправку в три дня, сделанную в XIII веке, эта разница составила десять суток. Поэтому в 1582 году римский папа Григорий XIII приказал выбросить из календаря эти десять суток; григорианский календарь («новый стиль») был введен в большинстве стран Западной Европы, а затем и Америки. Однако Россия не согласилась с поправкой, сделанной главой католической церкви, и продолжала придерживаться юлианского календаря. Новый стиль в России ввела советская власть в феврале 1918 года, когда разница в календарях достигла уже 13 суток. Тем самым летосчисление страны было приобщено к общеевропейскому и американскому. Русская православная церковь реформы не признала и до сих пор продолжает жить по юлианскому календарю.

Итак, разница между календарями в XX и XXI веках составляет 13 дней, в XIX веке она равнялась 12 дням, в XVIII — 11. С 1 марта 2100 года разница между старым и новым стилем достигнет уже 14 дней.

При чтении старой русской литературы разницу между официально принятым в России григорианским календарем и старым, юлианским, полезно учитывать. Иначе мы не вполне точно будем воспринимать время, когда происходят события, описанные у наших классиков. Вот примеры.

Сегодня нередко, услышав раскаты грома в первые дни мая, люди цитируют начало известного стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза»: «Люблю грозу в начале мая...» При этом мало кому приходит в голову, что стихотворение написано в XIX веке, когда май в России начинался 13 мая по нынешнему календарю (разница в 12 суток) и гроза в средней полосе страны вовсе не редкость. Поэтому Тютчев, описывая первую грозу в начале (а по-нашему в середине) мая, ничуть ей не удивляется, а только радуется.

В рассказе И.С. Тургенева «Стучит!» читаем: «...дело было в десятых числах июля и жары стояли страшные...» Сейчас нам ясно, что по-нынешнему речь идет о двадцатых числах июля. В другом произведении Тургенева, романе «Отцы и дети», говорится: «Наступили лучшие дни в году — первые дни июня». Добавив 12 дней, читатель легко поймет, какое время года по современному календарю Тургенев считал лучшим.

В дальнейшем изложении даты старого и нового стиля мы будем давать через дробь.

Праздники и посты

Всего главных христианских праздников в году насчитывается двенадцать, по-церковнославянски — двунадесять или дванадесять. Отсюда каждый из них назывался **двунадесятьим** (дванадесятьим).

К двунадесятьим праздникам относятся: Вход Господень в Иерусалим, или Вербное воскресенье, Вознесение, Троица (переходящие); Крещение (Богоявление), Сретение, Благовещение, Преображение, Успение, Рождество Богородицы, Воздвижение, Введение и Рождество Христово (непереходящие). Главный православный праздник — Пасха Христова — стоит особняком, в число двунадесятьих праздников не входит.

В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» помещик Оболт-Оболдуев с умилением вспоминает свою богатую и привольную жизнь при крепостном праве:

*Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всюнощну служил.*

Действительно, устроить у себя в доме дорогостоящее много-часовое богослужение — **Всюнощную**, продолжавшуюся с вечера до полуночи, а то и позднее, мог себе позволить далеко не каждый помещик.

Разъясним (в календарном порядке) основные праздники и посты, широко отмечавшиеся и соблюдавшиеся в дореволюционной России и отраженные в русской классической литературе.

Главным зимним многодневным праздником были **святки**, продолжавшиеся от Рождества Христова (25 декабря / 7 января) до Крещения (6/19 января). Это время было короткой передышкой в сельских работах, кратковременным периодом относительного достатка в большинстве семей и сопровождалось массовыми народными увеселениями. «Настали святки! То-то радость!» — писал Пушкин в «Евгении Онегине».

У древних славян-язычников то была пора очищения от скверны, дни уборки и мытья, а затем праздничных пиршеств с жертвоприношениями богам.

Накануне **Рождества**, то есть дня рождения Иисуса Христа, в **сочельник**, молодежь ходила по улицам, распевала особые песни — **колядки**, плясала перед хатами, выпрашивая у хозяев угощение и мелкие деньги. Этот обычай красочно описан в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством».

На святках молодые люди облачались в шкуры различных животных, надевали маски, изображая собой нелепых чудищ и уродов. Хождение по домам ряженных показано в комедии «Бедность не порок» А.Н. Островского. Святочное веселье с ряжеными в имении Ростовых, а затем Мелюковых колоритно нарисовано Л. Толстым в «Войне и мире» (Т. 2. Ч. 4-я. Гл. X).

Праздником **Крещения**, или **Богоявления**, поминается обряд крещения Иисуса Христа, то есть погружения его в священную реку Иордан; при этом, согласно Евангелию от Матфея, Иисусу явился Дух Божий в виде голубя — отсюда Богоявление.

На Крещение девушки собирались отдельно от парней, чтобы гадать о будущем, прежде всего о суженом — безвестном

еще женихе. Здесь существовал целый ритуал, во многом унаследованный с древнейших времен, различные магические действия с разгадками той или иной приметы: «гадает ветреная младость» (Пушкин). Например, у первого прохожего спрашивали имя — так именно и должен был зваться будущий жених. Эти наивные и трогательные крещенские гадания, которыми увлекалась и «русская душою» Татьяна, описаны в пятой главе «Евгения Онегина».

Еще полнее разновидности крещенских гаданий перечислены в романтической балладе В.А. Жуковского «Светлана», первая строфа которой широко известна: «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали...»

Крещение обычно связано с сильными холодами, прозванными народом «крещенскими морозами». Встретив былую уездную барышню через несколько лет на столичном балу важной дамой, женой генерала, Онегин замечает: «У! как теперь окружена / Крещенским холодом она!»

В старину праздновали не день рождения человека, а день его **именин**, то есть день, посвященный святому, именем которого его окрестили. Так, кульминационная сцена романа «Евгений Онегин» происходит в день именин героини — **Татьянин день**, 12 января по старому стилю, 25-го по новому. На следующее утро Онегин и Ленский встречаются на роковой дуэли.

Самым веселым праздником ранней весны была **масленица**, продолжавшаяся целую неделю.

Истоки масленицы — в глубокой древности. У язычников это было время проводов зимы и встречи весны. Приурочить масленицу к определенному времени нельзя, каждый год оно меняется. Почему? Масленица связана с главным православным праздником **Пасхи**, который не имеет постоянной даты. Это — передвижной праздник, он зависит не только от стояния Солнца, но и от местонахождения Луны. Пасха празднуется непременно в воскресенье, первое после весеннего равноденствия и полнолуния. Поэтому дата Пасхи ежегодно блуждает в пределах 35 дней — от 22 марта до 25 апреля по старому стилю (5апреля — 8 мая по новому).

Масленица же начинается за восемь недель до Пасхи, то есть в феврале — марте нового стиля. В эту неделю запрещалось есть мясо, остальную же пищу разрешалось вкушать вволю, так как сразу же за масленичным весельем следовал продолжительный и строгий Великий пост, тянувшийся почти семь недель «Не все коту масленица, придет и Великий пост» — предупреждает пословица, первую часть которой взял Островский для названия одной из своих комедий. **Широкой**, то есть самой раз-

гульной, масленицей называются последние четыре дня масленичной недели, от четверга до воскресенья.

Последний день масленичной недели называется **прошеным воскресеньем** или **прошеным днем**. В этот день — канун Великого поста — домочадцы кланялись друг другу, взаимно прося простить все обиды и огорчения, нанесенные вольно или невольно.

«У нас в доме, поздним вечером, все вдруг делались тогда кроткими, смиренно кланялись друг другу, прося друг у друга прощенья», — пишет И.А. Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

В прощенное воскресенье иногда совершался вполне языческий обряд — проводы масленицы и сожжение ее самой в виде соломенного чучела, одетого в женское платье, что сопровождалось песнями и плясками. Такой обряд показан в пьесе-сказке А. Островского «Снегурочка» и в одноименной опере Н.А. Римского-Корсакова.

На следующий день наступал **чистый понедельник** — начало Великого поста. У Бунина есть рассказ «Чистый понедельник», главное событие которого происходит именно в этот день.

Надо отметить, что в церковном календаре многие недели имеют свои наименования. Так, масленица называется **мясопустной неделей** (пустая мясом), неделя до нее — **пестрой** (в ней чередуются постные и непостные дни), предшествующая — **сплошной** (сплошь непостные дни) и т.д.

В комедии Островского «Грех да беда на кого не живет» Жмигулина, «девица пожилых лет», говорит молодому помещику Бабаеву: «Я очень хорошо помню: с пестрой недели третий год пошел, как вы уехали». Пестрая неделя — ничем не выдающееся февральское или мартовское время, вовсе не праздник; память Жмигулиной выдает ее неугасающий интерес к молодому человеку.

Прежде чем перейти к Великому посту, следует рассказать о **постах** вообще.

Всякий пост налагает на верующего немало тяжелых требований: частые молитвы, воздержание от различных видов пищи, полный отказ от мирских увлечений и плотских удовольствий — словом, отрешение от всех жизненных радостей. Всего в году четыре многодневных поста и три однодневных — по второстепенным праздникам, не считая двух постных дней в неделю — среды и пятницы. Общее количество постных дней в году составляет 178–199.

Великий пост накануне Пасхи — самый главный и строгий из всех. Он отличался особо суровым говеньем, то есть воздержанием от **скоромной** — мясной и молочной пищи. Принятие пищи иногда ограничивалось до предела. «Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара», — говорится в рассказе Чехова «Убийство». Театральные и цирковые представления, всякого рода публичные увеселения запрещались полностью.

Как и в другие посты, не допускались бракосочетания. «Теперь Великий пост и венчать не станут», — говорит Алеша в романе Ф.М.Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Последняя неделя Великого поста, перед Пасхой, называется **страстной**, в память страстей, то есть страданий, распятого на кресте Иисуса Христа. Каждый день этой недели, наполненной частыми богослужениями и особо строгим говеньем, именовался страстным или великим.

В лицейском стихотворении «Городок» Пушкин писал:

*Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у наля
В великий четверток
Измученный дьячок.*

Этот же четверток, то есть четверг, иногда назывался **чистым**.

«Все это происходило в страстную пятницу», — писал Достоевский в «Униженных и оскорбленных». Речь идет о последней пятнице перед Пасхой.

Богобоязненная мать Адуева, провожая сына на службу в Петербург («Обыкновенная история» Гончарова), назидает юношу: «Блюди посты, мой друг: это великое дело! В среду и пятницу — Бог простит, а в Великий пост — Боже оборони. Вот Михайло Михайлыч и умным человеком считается, а что в нем? Что мясоед, что страстная неделя — все одно жрет. Даже волос дыбом становится!»

Пасхальная ночь с заутреней многократно отражена в художественной литературе. Наиболее сильное описание — в романе Л.Н. Толстого «Воскресение», когда это празднество окрашено вспыхнувшим сильным и глубоким чувством Нехлюдова к Катюше.

Главный в году православный праздник — **Пасха**, или **Светлое Христово Воскресение**. Он взят христианами у иудеев, которыми был установлен в память об избавлении еврейского народа от египетского рабства. У христиан праздник приобрел совер-

шенно иное содержание. Им отмечается чудесное воскресение Иисуса Христа после его казни и снятия с креста.

Сам праздник Пасхи часто назывался в народе **Святой неделей** или просто **Святой**. Слово «неделя» здесь следует понимать в устаревшем значении — воскресный день; неделя — от не делать, не работать. Впоследствии это слово стало обозначать всю семидневку, или по-церковнославянски седмицу, а нерабочий день называли воскресеньем — в честь Воскресения Христова.

В эпилоге романа Достоевского «Преступление и наказание» говорится, что Раскольников «пролежал в больнице весь конец поста и святую», то есть праздник Пасхи.

Придя домой из церкви, верующие разговляются, отмечают праздник и окончание Великого поста обильной и вкусной едой и питьем. Эти праздничные застолья ярко описаны в юмористических рассказах молодого Чехова.

Неделя после праздника Пасхи называется **светлой**.

За светлой неделей следует **Фомин понедельник** и **Фомина неделя**, или, по-народному, **Красная горка**, — время долгожданных свадеб, запрещенных в Великий пост. Поэтому свадьбы на Фоминой неделе были особо многочисленны.

Горничная Таня в комедии Л. Толстого «Плоды просвещения» просит бар, чтобы отпустили ее в деревню, так как у нее с женихом Семеном «дело теперь сладилось... А на Красную горку и свадьба».

В рассказе А.И. Куприна «Бонза» читаем: «...ее жених — морской офицер, гостил в Москве в ожидании Фоминой недели, на которой назначен был день свадьбы».

В рассказе Л. Толстого «Дьявол»: «На Красную горку Евгений обвенчался в городе и тотчас же с молодой женой уехал в деревню».

В повести Чехова «Моя жизнь» Михаил и Маша повенчались «вскоре после Фоминой недели».

Как бы ни колебалось из-за лунного цикла время Пасхи и Красной горки, но это всегда весна. Не случайно в «Анне Карениной» говорится: «...на второй день святой, понесло теплым ветром... и на самую Красную горку... открылась настоящая весна».

24 июня (7 июля) празднуется день **Ивана Купалы**. Хотя церковь поминает в этот день Иоанна Крестителя (Предтечу), на самом деле Иван Купала — дохристианский славянский праздник, посвященный борьбе со злыми духами с помощью огня и разного рода растений. В ночь на Ивана Купалу жгли костры, устраивали игры и пляски. Гоголь посвятил этому

таинственному празднику свой чудесный рассказ-быль «Вечер накануне Ивана Купалы».

Праздник **Троицы** — передвижной, он отмечается на 50-й день после Пасхи. (В отсчет включается и самый праздник Пасхи.) Отсюда и другое его название — **пятидесятница**, так как он приходится на седьмое воскресенье после Пасхи. Седьмой от Пасхи четверг именуется **семик**.

Праздник Троицы издревле был связан с культом растительного мира, большое место в нем всегда уделялось поклонению деревьям и другим растениям, отсюда и обычай украшать дома березовыми ветвями. Один из обрядов описан во второй главе «Евгения Онегина» (строфа XXXV), где о Лариных говорится:

*...В день Троицын, когда народ
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...*

Заря, или **зоря** (другое название — **любисток**), — пахучая травка, которую во время троицкого богослужения следовало оросить слезами, дабы очиститься от грехов.

Гоголь, всегда интересовавшийся народными обычаями, записал в своей карманной книжке: «Троицын день и семик — не работают три дня: заплетают венки, поют песни; хороводный праздник, оканчивающийся бросанием венков в реку».

Праздничные гуляния происходили в семик как в селах, так и в городах. «На Ярилином поле по семикам городское мещанство устраивало гулянье», — пишет А.М. Горький в «Жизни Матвея Кожемякина». В Москве подобные гулянья происходили в Марьиной Роше.

Ближайшая после семика суббота считалась **родительской** — день поминовения близких родственников.

Сразу после Троицы начинался **Петров пост**, длившийся до дня Петра и Павла (29 июня / 12 июля). Так как начало этого поста определялось лунным календарем — по Троице, а конец приходился всегда на один и тот же день, то продолжительность поста была различной — от 5 до 42 суток.

Петров день — любимые народом **Петровки**, середина лета, время сенокоса: «Петровки. Время жаркое. В разгаре сенокос» (Некрасов). Герасим в «Муму» Тургенева «о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой...»

«Аверкий слег, разговевшись на Петров день», — так начинается рассказ Бунина «Худая трава»; именно с Петрова дня можно было есть скоромную пищу.

Константин Левин («Анна Каренина») приступает в своем имении к покосу, не дожидаясь Петрова дня, так как видит «не движимое ветром огромное серо-зеленое море луга». Встреченный старик Фомич говорит ему: «По-нашему, до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что ж, Бог даст травы добрые. Скотине простор будет».

Далее — знаменитое, классическое описание косьбы, принадлежащее к лучшим страницам русской литературы.

Следующий после Петрова большой пост — **Успенский**. Он длится с 1/14 по 15/28 августа и заканчивается в праздник **Успения** (кончины) Богородицы. Успенский пост в народе назывался **спожинками** (или **госпожинками**), так как праздник Успения знаменовал собой завершение уборки урожая — спожинать означало дожинать. Слово «спожинки» превратилось в «госпожинки» по созвучию со словом «госпоженка», как иногда называли Богоматерь. Если Бог был господь, то есть господин, то Богоматерь — госпожа.

В «Преступлении и наказании» Достоевского мать Раскольникова пишет, что Лужин, жених дочери, «хочет сыграть свадьбу в нынешний мясоед (то есть время между Петровым и Успенским постом. — Ю.Ф.), а если не удастся, по крайности срока, то тотчас после госпожинок».

В «Былом и думах» А.И. Герцен передает такой разговор:

«— Да ты что это, Анна Якимовна, больна, что ли, ничего не кушаешь?

...

— ...да так-с, по-старинному-с, ха, ха, ха, теперь спажинки».

Глава IV повести Л. Толстого «Семейное счастье» начинается с фразы: «Был Успенский пост, и потому никого в доме не удивило мое намерение — говеть в это время». Дело в том, что Успенский пост, или спожинки, соблюдался немногими, и говение в него не считалось обязательным. Только сильные душевные переживания героини «Семейного счастья» побудили ее к говению.

Главный осенний праздник — **Покров** (1/14 октября). История его восходит к 910 году, когда в одном из храмов Константинополя во время богослужения юродивый Андрей и его ученик Епифаний увидели парящую в воздухе Богородицу, которая распростерла над молящимися свое широкое белое

покрывало — покров — и произнесла молитву о спасении мира от невзгод и страданий. В дохристианское время праздник означал окончание всех работ по уборке урожая и наступление холодов.

Народ кратко сформулировал значение Покрова в пословице: «До Покрова — осень, за Покровом зима идет». К Покрову крестьяне-отходники возвращались в родные деревни. В поэме Некрасова «Коробейники» праздник этот играет немалую роль для определения времени действия. «Опорожнится корбушка, / На Покров домой пойду», — говорит парень-коробейник, то есть странствующий торговец галантейным товаром. «Да, трудненько Катеринушке / Парня ждать до Покрова... Чужа близость холодов, Катя пуше разгорается... Вот и праздничек Покров!»

Покров был не только веселым днем окончания всех полевых работ, но и печальным днем рекрутчины. «В приказе сказано, до Покрова нужно свезти рекрут в город», — говорит приказчик барыне в рассказе Л. Толстого «Поликушка».

Рождественский, или **Филиппов**, **пост** начинался после дня святого Филиппа, то есть 15/28 ноября и заканчивался в рождественский сочельник 24 декабря / 6 января, продолжаясь, таким образом, сорок дней. Это был второй по значению (после Великого) пост.

В характеристике патриархальной четы Лариных («Евгений Онегин») есть строка, ироническое содержание которой ускользает от внимания не только читателей, но и комментаторов романа: «...Два раза в год они говели...» (глава вторая, строфа XXXV). А **говеть** надо было не два, а четыре раза в год — по числу постов! Тем самым Пушкин показывает (и это было ясным его современникам), что храня «в жизни мирной / Привычки милой старины», супруги Ларины отнюдь не были ревностными постниками. Надо думать, что говели они только в главные посты — Великий и Рождественский.

Сокращенно в обиходе Филиппов пост назывался **Филипповкой**: «Ноябрь уж приходил к концу, началась Филипповка», — читаем в рассказе Лескова «Житие одной бабы». Но Филипповкой назывался не только самый пост, но и его канун — Филиппово заговенье. **Заговенье**, или **заговены**, — последний день перед постом, когда разрешалось есть скоромную пищу.

«У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья», — говорит хозяйственная Коробочка Чичикову. Домашнюю птицу забивали на зиму в большем, чем обычно, количестве.

Как и в остальные посты, свадьбы в Филиппов пост запрещались. Отсюда и фраза в «Пошехонской старине» М.Е.Салтыкова-Щедрина: «И так как приближались Филипповки, то решено было играть свадьбу в рождественский мясоед».

Мясоед — время, в которое разрешалось есть мясо и отменялись все другие запреты, связанные с постами. **Рождественский мясоед** — период от Рождества Христова до Великого поста. Закоренелый холостяк Подколесин в «Женитьбе» Гоголя, придя к выводу, что «наконец точно нужно жениться», укоряет себя: «Вот опять пропустил мясоед. А ведь, кажется, все готово, и сваха вот уж три месяца ходит».

Сочельник (24 декабря / 6 января), или **голодная кутья**, был последним постным днем, отсюда и мысль гоголевского кузнеца Вакулы («Ночь перед Рождеством») при виде Пасюка, пожирающего вареники: «Ведь сегодня голодная кутья, а он есть вареники, вареники скоромные!»

Рождество Христово было вторым после Пасхи важнейшим праздником христианского календаря. Его не надо путать с **Рождеством Богородицы** (днем рождения матери Христа), отмечаемым гораздо более скромно 8/21 сентября.

После Рождества Христова начинались **святки**, описанием которых мы и начали перечень основных праздников и постов.

Остальные даты и термины народного календаря, не упомянутые в основном тексте, но часто встречающиеся в русской классической литературе, приводятся в алфавитном порядке (для удобства пользования).

Введение во храм Пресвятой Богородицы (по-народному — **Введение**) — 21 ноября / 4 декабря. В трехлетнем возрасте родители торжественно ввели (отсюда и «введение») в иерусалимский храм Марию, будущую Богоматерь, оставив ее воспитываться при храме вплоть до совершеннолетия, то есть до 15-летнего возраста, после чего она была выдана замуж за пожилого вдовца плотника Иосифа. Введение знаменует наступление устойчивых зимних погод. «Наложило Введение на воду толстое леденье», — говорили в народе.

Вербное воскресенье, или Вход Господень в Иерусалим, празднуется за неделю до Пасхи, до него — **вербная суббота**, вся же предшествующая неделя именуется **вербной**. В древнем Иерусалиме Христа встречали пальмовыми ветвями. В России пальмовые ветви заменили вербой — растением, которому еще древние приписывали магические свойства. В вербное воскресенье, согласно евангельскому преданию, Иисус Христос торжественно въехал в

Иерусалим на ослице (символ кротости и смирения в отличие от боевого коня), где свершил свои последние подвижнические деяния, утвердившие его во мнении народном как сына Божьего и спасителя человечества.

Вознесение Господне празднуется на 40-й день после Пасхи, между 1/14 мая и 4/17 июня. В этот день Иисус, завершая свою земную жизнь, взшел на гору Елеонскую, благословил учеников— апостолов и вознесся на небо. На Вознесение происходит второй приезд Нехлюдова к тетушкам («Воскресение» Л. Толстого) и решительный поворот в его отношениях с Катюшей.

Воздвижение креста Господня отмечается постоянно 14/27 сентября в память того, что на Голгофе — месте казни Христа — был воздвигнут найденный здесь крест, на котором он был распят. Воздвижение народ связал с крестьянскими приметами: «Хлеб с поля двинулся» (то есть убрана последняя копна) и «Птица в отлет двинулась».

Вечерня — вечерняя церковная служба.

Духов день — праздник в честь Святого Духа — одного из трех лиц Троицы, празднуется на другой день после Троицы.

Егорий Вешний. Георгий (в народе Егорий) Победоносец всегда был особо почитаемым святым. Он изображается в виде воина на коне, поражающего копьём дракона. Отмечается 23 апреля / 6 мая. Начало полевых работ.

Егорий Осенний, или **Юрьев день** (26 ноября / 9 декабря), также посвящен Георгию Победоносцу. «Один Егорий голодный, другой холодный», — говорилось в народе об обоих праздниках. До 1607 года в день Егория (Юрия) Осеннего крепостным крестьянам разрешался переход от одного помещика к другому. Отмена этого права и породила горестную поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Заутреня — ранняя утренняя служба. «...звонят / К заутрени», — говорит Пимен в «Борисе Годунове» Пушкина, заканчивая свою беседу с Григорием.

Ильин день посвящен грозному пророку Илье — покровителю земледелия и водной стихии. В верованиях славян-земледельцев он как бы сменил языческого Перуна. Так же, как и Перун, он разбегается по небу в колеснице и мечет на землю огненные стрелы (молнии) и град. Отмечается 20 июля / 2 августа, когда и в самом деле часто случаются грозы. Для крестьянина Ильин день знаменовал конец сенокоса, начало жатвы: «Пророк Илья лето кончает, жито зажинает»; «Илья Пророк — косьбе срок», то есть конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru